

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора философских наук Миронова Владимира Васильевича на диссертацию Павлова Александра Владимировича «Философия культуры в постпостмодернизме: критический анализ», представленную на соискание учёной степени доктора философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры в совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 002.015.01 на базе ФГБУН Института философии Российской академии наук

Диссертация А.В. Павлова посвящена очень интересной и актуальной теме. Перед нами масштабное аналитическое исследование целой палитры современных философских концепций как различных вариантов рефлексии над развитием культуры. Даже исходя из структуры диссертации, автором анализируется порядка 20 моделей, но, по сути, значительно больше, так как некоторые из них пересекаются и образуют самостоятельные концептуальные схемы и все они располагаются в смысловом пространстве от постмодернизма до постпостмодернизма.

Особенность этих концепций, как показывает автор, несмотря на всю их пестроту, связана с осмыслением культуры на разных ее уровнях: от массовой культуры, кинематографа, искусства и литературы, до теоретических конструкций в социологии, политологии и философии, с их претензиями на роль своеобразного самосознания или самовыражения культуры на данной стадии ее развития. Такая претенциозность позволяет теоретически объединить все эти концепции в единую смысловую линию и одновременно, констатировать тот факт, что их совокупность не позволяет создать некое единое представление о сущности культуры и представляет собой мозаичное и разорванное смысловое пространство, в котором все время изменяется доминирующий культурный стержень.

Постмодернизм в этом смысле выступает не просто как совокупность тех или иных концепций, а в качестве своеобразной матрицы современной культуры, претендующая на роль некоего, хотя и необычного, универсума теории культуры. Упразднение постмодернизма, которое исследует автор, приводит к возникновению множества теорий равноправно претендующих на интерпретацию культуры, основанных на самых разнообразных областях гуманитарного знания и новейших тенденций развития, которые в нем происходят. Вот эту палитру концепций автор диссертации и обозначает, по его выражению, конвенциональным термином «постпостмодернизм». При этом сам автор также дистанцируется от возможности положить в основу

объяснения тенденций, происходящих в культуре, некое единое начало, которое было характерно для модернистской интерпретации культуры.

Диссертация состоит из введения, четырех разделов, заключения и библиографии. Причем каждый раздел гармонично состоит из пяти глав (кроме одного, в котором 6 глав), что, по-своему, скорее отражает классическое построение исследовательского текста. Не имея возможности говорить о всех сторонах представленного фундаментального труда, выделю лишь некоторые аспекты, которые показались мне наиболее интересными и с которыми можно как соглашаться, так и полемизировать. Поэтому мой отзыв будет прямо в постмодернистском духе носить фрагментарный характер, то есть опираться на те мысли, которые в наибольшей степени мне интересны как читателю.

Первый раздел «Постмодернизм: популярная культура и социальная теория» посвящен анализу постмодернизма. Показано, что постмодернизм – широкая философская позиция, отражающая определенное «состояние ума» широкого слоя гуманитариев, которое сложилось в 70-годы прошлого столетия и которое пронизывало не только искусство или литературу, но повлияло на социологию и конечно, понимание философии. Можно сказать, что это была философская рефлексия над изменениями в культуре, которые происходили на всех ее уровнях: от обыденного до уровня теоретического осмысления в социологии и философии. В связи с этим автор выступает против примитивизации в понимании постмодернизма и его критики с «научных позиций», рассматривающей данное течение чуть ли не как некую философскую диверсию (с.7).

Автор выделяет несколько уровней культуры, которые становятся предметом постмодернистского анализа.

Прежде всего, это **популярная культура**. Здесь автор опирается на работы Ф. Джеймисона, в частности, на его тезис о том, что «популярная культура и есть постмодернизм» (с.45). Правда, следует отметить, что его тезис о единстве высокой и популярной культуре активно обсуждался в философии. В частности, М.М. Бахтин в своем анализе средневековой культуры выделял в ней два уровня, как своеобразных областей противопоставления идеализированных культурных образцов и культуры народной, повседневной. И уже он показывал, что они тесно взаимосвязаны. Это просто разные уровни культуры как таковой. Позже, в трудах Г.С. Кнабе и Ю.М. Лотмана такое противопоставление высокой и низкой культуры стало рассматриваться как одна из важнейших культурных дихотомий, которая в том или ином виде всегда присутствует в культуре. Массовая или

популярная культура – это линия развития низовой культуры, которая просто стала доминировать в современном обществе, благодаря, в том числе возможности быстрого распространения ее образцов, новых технологических возможностей и т.д. Автор это отмечает, показывая, например, что образцы высокой культуры также могут стать предметом массовой или популярной культуры (с.29). Таким образом, задолго до постмодернизма низовая или массовая культура в том или ином виде были предметом философского анализа. Просто в силу распространения самого объема популярной культуры, постмодернизм и оказался тем самым выражением культуры на данной стадии ее развития, так же, например, как немецкий идеализм или английский эмпиризм отражали иные стадии. Философия не могла игнорировать массовую культуру, ибо это тоже часть культуры. А далее происходит своеобразное «оборачивание», когда объект философского исследования, например, комиксы о Симпсонах, сами становятся некой формой философии. Возникают образцы популярной философии как фрагментарного описания уже не бытия, а скорее быта, то есть бытовых событий и образований, которые окружают реальную жизнь человека. В постмодернизме в качестве объекта философского исследования могло выступать что угодно, вплоть, например, до исследования такого «сложного» семиотического явления, как «пуканье» (Слотердаjk. Критика цинического разума). Такая всеядность мгновенно породила моду на философию и она приобрела форму глянцеvых журналов, что вполне естественно для явлений моды.

Таким образом, речь идет не о том, что социальные философы и теоретики культуры признали популярную культуру легитимной, она просто стала одним из объектов исследования, что скорее отразило как раз кризис концептуальной схемы классической философии, в которой всегда присутствовал разрыв между высокой теоретической рефлексией и обыденными явлениями, в которых пребывал человек. Кстати, это было подмечено молодым Карлом Марксом (ему тогда было 24 года), который отмечал, что философия с «ее таинственным самоуглублением» не является популярной и философов никто не понимает и что условием ее проникновения в сердца людей является, говоря современным языком, как раз ее популярность. Философия, как отмечал он – это «душа культуры», то есть самосознание нынешнего состояния развития культуры.

Развитие популярной культуры отражает процесс ее общей трансформации в рамках глобального коммуникационного пространства, и своеобразным стержнем этих изменений выступает разрушение культурных

дихотомий, анализ которого был блестяще проделан Г.С. Кнабе в серии его работ. К сожалению, автор на эти работы не опирается, а думаю, что они могли бы еще более фундаментализировать его выводы.

В диссертации анализируются некоторые особенности популярной культуры, в частности, доминирование принципа вседозволенности, который, по сути, выступает против культуры в ее классическом варианте и это позволяет некоторым исследователям делать вывод о наступлении маргинальной или даже варварской культуры. По сути, речь опять идет о разрушении культурной дихотомии «прикровенность-откровенность», которая была, например, блестяще проанализирована Р. Бартом в его «Мифологиях». Детально трансформацию этой дихотомии исследовал и Ю.М. Лотман.

Мне представляется, что автор излишне увлечен западными источниками и в меньшей степени использовал наработки в этой области в нашей философской литературе. Например, вывод, что «популярная культура – изобретение Америки и сама по своему происхождению она, став глобальной, изначально была американской» (с. 40), мягко говоря, не очень точный и америкоцентрирован, хотя бы в силу того, что популярную культуру самой Америки создавали прежде всего выходцы из других культур, просто перенося и трансформируя на новой почве собственные ценности и культурные стереотипы. Даже комиксы, которые обычно считают выражением американской массовой культуры, это продолжение лубочной культуры Европы, в том числе и России, в которых доминировала картинка, а текст был минимизирован, что и делало их доходчивым для большинства населения, даже неграмотного. Иное дело, что сегодня изменились полярности и комиксы читают вполне грамотные люди и даже философы. Так что, в отличие от позиции автора о том, что мы не можем припомнить что-либо популярное французское или итальянское, можно сказать, что можем и очень многое. В этом смысле культура США выступает скорее как некий микс, заимствующий очень многое из других культур, что и делает ее первично очень не похожей на европейскую культуру. Автор вслед за Умберто Эко делает вывод, что особенность США в том, что там была создана мощнейшая сеть распространения, породив своеобразную гиперреальность, в том смысле что само понятие массовой культуры здесь стало иным. Это новая реальность, включающая в себя созданные культурные пространства, это некая американская реальность (с.41-42). Таким образом, мне представляется, что не популярная культура есть постмодернизм (тезис Джеймисона, который поддерживается автором

диссертации). Здесь более сложное взаимоотношение. Постмодернизм выступает как философское выражение иной стадии развития культуры, в которой место популярной культуры резко возрастает и доминирует.

В 80-е годы, показывает автор, предпринимаются попытки использовать **постмодернистские идеи к области социальных теорий**, рассматривая нынешнюю стадию общества как постсовременность, что впрочем, длилось недолго. Автор дает классификацию этих подходов и интересно анализирует подход Баумана, трактующего возникновение и распространение постмодернизма как отказ философии от навязывания общих схем, в том числе, и социологии. Благодаря этому, социальная теория освобождается (Сейдман) от «социологической «научности»».

Особые взаимоотношения сложились между **марксизмом и постмодернизмом**. В частности, Джеймисон и Андерсон называют постмодернизмом логикой «позднего капитализма» (с.96), а не просто некоего течения в искусстве. Это означает, что в центре философских рефлексий оказывается экономика, которая и выражает современную стадию культуры (с.376-377). То есть, философия, как мы и отмечали, является самовыражением конкретной эпохи.

Это заставляет автора очень подробно проанализировать книгу Джеймисона **«Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма»** как своеобразный базовый текст для социологического понимания сущности постмодернизма. По сути, постмодернистский подход трактуется как неисторичный и поверхностный, в котором глубина исследования подменяется «поверхностью или интертекстуальностью». Культура трансформируется и начинают доминировать образы и герои массовой культуры. На смену аффективным состоянием субъекта, таким, как страх и отчуждение, «приходят безэмоциональные образы Мэрилин Монро и Элвиса Пресли» (с.92). В свое время я использовал схожую метафору в своей монографии **«Философия и метаморфозы культуры»** (2005 года), причем даже визуально.

Потеря эмоциональности как одна из характеристик постмодернизма – это особая тема для философской рефлексии. Автор ее проговаривает бегло, а она была предметом анализа и оценки у наших российских ученых, например, филолога М.О. Чудаковой и С.С. Аверинцева. Чудаковой принадлежит высказывание: «Внутренней темой постмодернизма остается обделенность экстазом», а Аверинцев, развивая этот тезис, пишет, что постмодернистский образ в принципе не реалистичен, поэтому он «не

описывает феномены, он проектирует их». Это могло бы объяснить эффекты стилизации и пародии, о которых говорится в диссертации.

Ещё одно направление, исследуемое автором, связано с тезисом о том, что постмодернизм выражает собой **ощущение конца или завершения эпохи** – конца идеологии, конца истории, смерти искусства, превращение социального в анонимную массу и молчаливое большинство. Постмодернизм, выразив это состояние, оказывается уже ненужным или, как приводит автор мысль Б. Латура: «Существует только одна положительная вещь, которую можно сказать о постмодернистах: после них больше ничего нет» (с. 115). Наступает новый этап, который автор обозначает как постпостмодернизм.

Второй и третий разделы посвящены исследованию вариантов преодоления постмодернизма. Дается палитра подходов и критики постмодернизма: гипермодернизм, трансмодернизм, сверхмодернизм, постгуманизм, неомодернизм. И хотя в предыдущей главе говорится о том, что постмодернизм после себя ничего не оставил, только перечисление концепций, расцветающих на нём, столь огромно, что ставит под сомнение этот вывод. Постмодернизм оказывается своеобразным корнем могучего дерева, на котором расцветает множество концепций, каждая из которых исходит из собственного понимания постмодернизма и пытается его разрушать, по сути, лишь укрепляет как базовую философскую конструкцию современной эпохи. И в этом смысле, постпостмодернизм выглядит скорее как одна из ветвей постмодернизма, развивая его, пусть и через отрицание некоторых предшествующих компонентов. Это, кстати, достаточно часто происходит в философии, вспомним хотя бы бесчисленные философские линии развития с приставкой «нео», типа неокантианства или неогегельянства, когда на базе одной системы возникает множество других, базирующихся на отдельной идее предшествующего учения. Часто они, как и в данном случае, оказываются малоинтересными, повторяющими те или иные идеи самого постмодернизма, точнее, выпячивая ту или иную идею.

Здесь я обратил бы, может быть, внимание на полемику, связанную с базовым понятием постмодернизма о «смерти автора». Действительно, так ли уж автор умирает, создав то или иное произведение? Этот вопрос справедлив не только по отношению к художникам, которые фиксируют образы на полотне, что несколько ограничивает интерпретацию. Но он правомерен и по отношению к текстам, ставшим уже независимыми от автора. Я бы здесь сослался на дискуссии в связи с Черными тетрадами Хайдеггера, когда вдруг происходит своеобразное и неожиданное «возвращение» автора, который

вынуждает нас корректировать наши интерпретации и собственное понимание смысла своих же текстов. Вообще похороны постмодернизма, которые описывает автор, мне напоминают регулярные похороны метафизики, которая продолжает существовать. Автор справедливо отмечает «Видимо, единственный способ преодолеть «постмодернизм» во всех его значениях... это перестать говорить о нем, как то делают некоторые исследователи» (с. 287), однако, делает он вывод, такое вряд ли осуществимо. Тем самым, опять подтверждается тезис о базовом характере постмодернизма как отражения культурного состояния эпохи. Есть концепции, которым в большей степени, по мнению автора, удастся осуществить такое вытеснение постмодернизма. В качестве таковой, например, выступает «**метамодернизм**». Это постпостмодернистская синтетическая модель, которая, скорее, трансформирует постмодернизм, то есть развивает его идеи, но в иной форме. Например, серьезность оборачивается иронией, цинизм – наивностью (с.287).

Актуальным является в диссертации **четвертый раздел**, связанный с анализом наступающей цифровой культуры и тем, как это отражается в философских рефлексиях, что непосредственно связано с оценкой развития современного общества в целом и обозначением той стадии развития, на которой оно находится и которое определяется и модифицируется, в результате, как раз под воздействием новейших технологических открытий.

Одна из позиций осмысления этих явлений – пессимистическая, связанная с тем, что доминирующий культ потребления в совокупности с возможностями новейших технологий разрушает индивидуальную сущность человека. Постмодернизм здесь превращается в собственную имитацию или **псевдомодернизм**, так как изменились условия коммуникации. Меняется отношение к тексту, которое все в большей степени зависит от воспринимающей аудитории. Это реализуется в таком новообразовании массовой культуры, как шоу, в котором автор и зритель равноправны и являются соавторами представления. Можно было бы эту часть расширить, так как шоу проникает на все уровни культуры от обыденного сознания до политики, и даже в науку и философию. Именно здесь происходит действительная «смерть автора». Я бы здесь добавил не только смерть автора, но и смерть реальности события, ибо таковым становится не то, что есть на самом деле, а то, что медийно сконструировано или размещено в интернете.

Показано, что новейшие коммуникационные технологии приводят к полной зависимости личности от цифровизации. Давление на индивида и его

сознание столь сильное, что порождает такую форму социального существования, как аутизм, то есть сознательная позиция, которую занимает человек, не желающий вписываться в эту массовость. «Аутизм становится неотъемлемой частью и даже природой диджимодерна. Последний оправдывает добровольную изоляцию от общества, а социопатическое становится нормативным и легитимируется посредством репрезентации в культуре» (с.338).

Автомодернизм, напротив, исходит из того, что именно новейшие технологии порождают новую субъектность, когда человек может стать полностью автономным, замкнувшись в собственном кластере интернета. Мы «наблюдаем сегодня рождение новой культурной и социальной субъектности» (с.347). Здесь также не нужен автор. Таковым являются все пользователи интернета одновременно, перетекая из одного фрагмента гипертекста в другой. Многие мыслительные функции, связанные с информацией и использованием памяти, оказываются просто не нужными для индивида и передаются машине. С одной стороны, это освобождает человеку время, но с другой – порождает новую проблему использования этого времени. Происходит разрушение реальной идентичности. В пространстве интернета она может приобретать множественную форму и конструироваться в зависимости от изменения позиции личности. Человек начинает растворяться в виртуальности, которая занимает большее место в его жизни, чем действительная реальность.

Обозначаются две **постпостмодернистские версии развития капитализма**: позитивная и негативная.

Позитивная исходит из того, что «капитализм стал не просто доминирующей и единственной социально-экономической системой, но главное – теперь даже невозможно вообразить его альтернативу» (с. 379). Такой «капиталистический реализм» оказывается вписан в движение постпостмодернистского дискурса о культуре, но в качестве его позитивной версии» (с.386).

Негативная версия противоположна постмодернистскому дискурсу и авторы данной позиции его стараются избегать. Связано это с тем, что «постмодернизм не позволяет современным левым рассуждать о будущем» (с.397).

Подводя итоги, можно отметить, что перед нами очень интересная работа, которая представляет своеобразный текст-энциклопедию по проблемам постмодернизма, его кризиса и эволюции, а также замещению новым смыслом, который выражается понятием «постпостмодернизм»,

являющимся по сути зонтичным, то есть обозначающим смысловое пространство проблематики, которое внутренне противоречно и даже может включать в себя противоположные концепции. Соответственно, такая зонтичность присуща и работе в целом, когда смысловой «зонт» накрывает и упорядочивает огромное смысловое пространство самых различных концепций и теорий. Это сильная сторона всей проделанной работы, которая необходима в философском исследовании.

Но, одновременно, такая установка имеет и негативные коннотации, толкая автора не столько на продуцирование собственных идей, сколько на перебор множества концептуальных схем, и это затрудняет выделение позиции автора по отношению к оценке современной стадии развития культуры или конструированию собственной модели развития культуры, ибо под зонтичное понятие можно бесконечно добавлять все новые и новые концепции и при этом, заведомо, всегда что-то останется неохваченным. Это даже не упрек диссертанту, а констатация общей проблемы для современной философии, в которой трудно выделить некий смысловой стержень и вполне вероятно, такая неопределенность или турбулентность выражают стадию развития нашей культуры.

С позиции выполнения поставленных задач и достижения целей, диссертация, безусловно, выполнена успешно. Автор показывает, что различного рода претензии на вытеснение постмодернизма полностью не удаются, а значит, в определенном смысле он остается базовой концептуальной моделью современной культуры.

С общей позицией автора связана и некоторая сложность в формулировке новизны, которая не могла здесь быть ничем, кроме основательности и масштабности исследования, что и было осуществлено в работе. Кроме того, выполнена и установка на типологию, что, действительно, представляется весьма ценным достижением. Но, тем не менее, мне не хватило некоторого элемента результативности.

В качестве одного из конкретных замечаний я бы высказал следующее: проанализировав огромный материал западной литературы, автор недостаточно использовал наработки в области философии культуры, которые были предприняты, уже начиная с М.М. Бахтина и О.М. Фрейденберг, и особенно интенсивно развивались с 90-х годов прошлого века в трудах Г.С. Кнабе, Ю.М. Лотмана, С.С. Аверинцева, М.Л. Гаспарова, которые выдвинули фундаментальные смысловые основы для исследования механизмов развития культуры, и это могло бы стать одним из стержней проделанной работы.

Автореферат соответствует содержанию диссертации. Основные положения работы отражены в научных публикациях в журналах, входящих в перечень рекомендуемых и учитываемых российских и зарубежных рецензируемых изданий, а также в опубликованных монографиях автора на русском и английском языках. Диссертационное исследование «Философия культуры в постпостмодернизме: критический анализ» соответствует требованиям пп.9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (с изменениями, внесенными Постановлением Правительства Российской Федерации от 21.04.2016 № 335 и последующими изменениями), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, а его автор – Павлов Александр Владимирович – заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры.

Официальный оппонент

доктор философских наук,
профессор, член-корреспондент РАН,
декан философского факультета,
заведующий кафедрой
онтологии и теории познания
философского факультета
Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова

2 сентября 2019 года

Миронов
Владимир Васильевич

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова», философский факультет (119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский», тел.: + 7 (495) 939-19-25, e-mail: info@philos.msu.ru)

С перечнем публикаций официального оппонента Владимира Васильевича Миронова можно ознакомиться на следующих Интернет-ресурсах:

- https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=125274
- <https://istina.msu.ru/profile/vladimir.mironov/>.